

ПАРЕМИОЛОГИЯ

УДК 811.222.8.

Ш. К. Усмонов, Н. В. Крицкая

СПЕЦИФИКА НАЦИОНАЛЬНОГО МИРОВИДЕНИЯ, ОТРАЖЕННАЯ В ТАДЖИКСКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Рассмотрена взаимосвязь таджикского пословичного фонда с особенностями национального менталитета, ранее не исследованная. По материалам современных источников обобщены и выделены ключевые черты таджикского менталитета. Исследован корпус таджикских и персидских паремий, из которого выделены и проанализированы пословицы соответствующей лексико-семантической направленности. На основе пословичного материала уточнены и конкретизированы базовые представления о национальном менталитете этноса.

Ключевые слова: национальный менталитет, культура, таджикский язык, пословицы.

Язык, являясь важнейшим средством человеческого общения и взаимодействия, также является зеркалом национальной культуры. По утверждению Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, национально-культурная семантика «...наиболее ярко проявляется в строевых единицах языка», к которым относятся «слова, фразеологизмы и языковые афоризмы (пословицы, поговорки и крылатые выражения)» [1, с. 3]. Следовательно, изучение фразеологического фонда языка дает представление о национально-культурных особенностях этноса, раскрывает особенности его мировидения. Понимание этого обстоятельства обусловило интерес ученых-лингвистов к пословичному фонду различных культур. Это подтверждается большим количеством исследований данной направленности, уточняющих мнения о психологическом портрете этноса, раскрывающих возможности национально-языка, добавляющих важные штрихи к представлениям об историческом развитии и корнях народа.

С этой точки зрения исследование взаимосвязи менталитета и идиоматики таджиков (персов) как древнейшего ираноязычного народа, мировоззрения которого определили многие черты современной общеевропейской культурной парадигмы, представляют особый интерес. Исследование проводилось на материале сайта пословиц и поговорок народов мира <http://sayings.ru/world> (общее количество 496 персидских и 454 таджикские пословицы). Основанием для рассмотрения персидских пословиц является принадлежность таджикского и персидского (фарси) языков к иранской языковой ветви и традиционности их совместного рассмотрения [2, с. 2].

Обзор и обобщение немногочисленных существующих материалов по теме таджикского ментали-

тета (Набиев, 1995; Имомов, 2001; Гафарова, 2001; Корольков, 2002; Авганова, 2007 и др.) позволили сделать заключение, что главными чертами в психологическом портрете таджика являются гостеприимство, миролюбие, сострадание, толерантность, почитание знания, повышенное уважение к старшим. В статье предпринята попытка проследить, как эти базовые черты преломляются в народной идиоматике. Необходимо отметить, что стихотворная форма ряда представленных пословиц обусловлена спецификой ираноязычной фразеологии, поскольку «многие строки из произведений классической персидской литературы, превратившись в пословицы и поговорки, сделались достоянием народной речи ...пословицы, проникавшие в литературу, поэтизировались писателями и, став крылатыми словами, вновь переходили в устную речь» [2, с. 3].

Гостеприимство как наиболее почитаемая черта таджиков зафиксировано в огромном количестве пословиц, например: «Гостя угощают тем, что есть в доме»; «Беседа с гостем, словно мед, сладка, беседа с гостем тоньше волоска». Большинство паремий данной направленности связано с осознанием того, что нельзя оставлять без внимания любого нуждающегося; вместе с тем народная мудрость предъявляет строгие нравственные требования к самому человеку: «Давай хлеб каждому, но не у каждого ешь хлеб»; «Достойнее ярмо нужды носить, чем у бездушных милости просить». К этому семантическому полю можно также отнести пословицы, призывающие к великодушию, умению отдавать и делиться бескорыстно, не ожидая ответного воздаяния: «Даянье, коему ты знаешь цену, сродни не благостыне, но обмену». Щедрость в народной философии возводится в ранг первейшего достоинства, искупающего отдельные грехи: «Кого

не станут укорять люди, будь у него даже сто недостатков? Щедрого»; «Из рук у доброго возьмешь ты горький плод как сладость». Жадность, корыстолюбие, напротив, порицаются народным мнением: «Жадному и могила тесна»; «Лучше сыпать жемчуг в океан, чем в карман скряге». В целом последний аспект характерен для большинства индоевропейских культур; однако не только скупость, но даже такие похвальные для большинства европейцев качества, как практичность и забота о приумножении благосостояния, в таджикской фразеологии не рассматриваются положительно: «Корыстный унижается всегда, расчетливый нуждается всегда»; «Не надо ни золотых серег, ни боли в ушах».

Миролюбие, сдержанность, сострадание также отмечаются в качестве принципиальных черт национального менталитета: история свидетельствует о том, что за длительный период развития таджики никогда ни на кого не нападали первыми. Однако, по замечанию З. Авгановой, несмотря на отсутствие воинственности, в случае внешней угрозы народ умел защищать свою землю, достоинство, культурные идеалы [3, с. 5]. Об этом говорит, например, пословица «Только плеть старосты и меч эмира охраняли Коран», очевидно появившаяся в период арабских завоеваний. Умение не сгибаться перед трудностями и с достоинством смотреть в лицо врагу отражено во множестве паремий, например: «Мужчина тот, кто идет навстречу трудностям»; «Будь мужественным – станешь сильным». Вместе с тем в этом семантическом поле отчетливо преобладают пословицы, в которых подчеркивается, что достоинство мужчины не столько в обладании силой, сколько в великодушии, сострадании и умении прощать: «Если ты слон, не обижай кота»; «Сохранить жизнь человека – лучше, чем построить мечеть»; «Того, кто совершает насилие, обычно сокрушает насилие».

По свидетельству исследователей, и в настоящее время стремление к гармонии и желание избежать конфронтации являются основными мотивами поведения таджиков, а если конфликт все же неизбежен, ими прилагаются все усилия для его сглаживания [4]. Эта неконфликтность и нелюбовь к насилию отражена, например, в таких паремиях, как «Ум – красота человека, сдержанность – спутник ума»; «Как часто в жизни нам бывает нужна лишь мягкость языка и жернова река вращает не потому ли, что мягка?».

Трудолюбие, выносливость, упорство и настойчивость в достижении цели также играют заметную роль в национальном характере наряду с исполнительностью и стремлением добросовестно относиться к своей работе: «Металл в огне, человек в труде познаются». Безделье, леность призна-

ются народным сознанием худшими из зол: «От бездельника Бог отворачивается». Работа – лекарство от болезней, исцеление от бед, залог достатка: «Сил не жалея, работай и не плачь, для нас, людей, работа – лучший врач»; «Кто надеется на ужин соседа, останется голодным». Вместе с тем труд в национальном сознании ценен и сам по себе, вне зависимости от его плодов: «Работа задаром лучше безделья» (что коренным образом отличает национальное понимание этого аспекта, например, от английского: *Great pains and little gains makes men soon weary* – «Работа без вознаграждения убивает»). Исторически труд таджиков был связан с изнуряющей крестьянской работой в условиях безжалостной жары, когда залогом успеха являлось терпение, что отражает направленность значительного количества паремий данного семантического поля, например: «Терпение горько, но приносит сладкие плоды»; «С первой ступеньки нельзя вспрыгнуть на крышу».

Повышенное уважение к родителям, любовь к детям, преданность семье являются в психологическом портрете таджика важными характеристиками. Народное сознание наделяет старших, как людей, наделенных большим опытом, беспрекословным авторитетом, им принадлежит последнее слово и главенствующая роль в воспитании: «Без старых людей не примешь мудрого решения»; «От младших – ошибки, от старших – прощение». Основные моральные постулаты закладываются у таджиков с первых осознанных шагов, и на этом фундаменте покоится надстройка последующей жизни: «Дерево выпрямляй молодое, пока оно гибко». Большое количество паремий этого поля связано с важностью корней человека, его рода; многие из них содержат колоритную национальную метафоричность: «Из хорошего мяса – хороший суп»; «С крапивы гранатов не собирают». Однако национальная фразеология фиксирует и понимание того, что усилия родителей не всегда окупаются: «Из одного корня два ствола вышли: один столб в мечети, другой столб в хлеву». Ребенок, не оправдавший ожиданий, – горе и позор для родителей: «Хороший сын – цветущий сад, плохой сын – клеймо»; «Никчемный сын подобен шестому пальцу: не нужен, а отрезать больно».

Особую нишу среди паремий поля «семья» занимают пословицы о детях, традиционно окруженных заботой и любовью; исследователи даже считают возможным говорить о национальном «культе ребенка», который отражается в строгом соблюдении обычаев и ритуалов. «Бачаи боадаб» (воспитанный ребенок) должен воплощать основной принцип традиционной нравственности: уважение и почитание старших, послушание, скромность и т. д. [5, с. 14]. Эта любовь к детям отражена, на-

пример, в пословицах «Если хочешь порадовать своего гостя, оказывай почет его ребенку»; «Не презирай слабого детеныша: быть может, это детеныш льва».

Еще одной отличительной чертой таджикской ментальности является почитание знания, которому посвящена большая часть паремийного фонда (около 20 % рассмотренного материала). Бесконечность процесса познания, стремление не останавливаться на достигнутом отражают паремии «Если человек ищет мудрости, он умен, но если он думает, что нашел ее, он глуп»; «Знарок знает и спрашивает, а невежда не знает и молчит». Произведения предков таджикского народа, от древнейшего памятника культуры «Авеста» до величайших духовных шедевров философской мысли и мировой литературы – поэзии А. Рудаки и Фирдоуси, сочинений Д. Руми, О. Хайяма, «Книги исцелений Авиценны», пронизаны идеей пиетета знания и разума. Говоря словами А. Рудаки, «Дониш андар дил чароги равшан аст, Ваз хама бад бар тани ту чавшан аст» (Знание в сердце есть сияющий светильник, и оно подобно кольчуге уберезет тебя от бед [6, с. 328])

Почти абсолютное значение в народной филологии приобретают авторитет и значимость учителя; очевидно, здесь зороастрийская идеология культа знания усугубилась более поздней религиозной суфийской традицией беспрекословного подчинения ученика учителю. Подобное уважение зафиксировано в таких пословицах, как «Строгость учителя полезнее ласки отца»; «Тот убегает от собственного счастья, кто сторонится наставника» или в поэтических строках «Когда б не наставленья мудреца, ты никогда бы мудрецом не стал, когда бы не искусство кузнеца, металл не превратился бы в кинжал».

Исследователи отмечают, что отношение таджиков к интеллектуалу является «благоговеиным, почти мистическим» [7, с. 38], и последний обладает беспрекословным авторитетом, с которым не может конкурировать ни политическая власть, ни материальный достаток. Исторически таджик, сумевший получить образование, в общественном

осознании переходил в более высокую социальную категорию, часто независимую от его реального экономического положения: «Мудрый, зная много, богачом слывет, но богач не может мудрецом прослыть». Глупец и невежда в противопоставление знающему достоин лишь осуждения и насмешек: «Невежда безводному арыку подобен». Знание в народном понимании противопоставлено не только невежеству, но и грубой силе, являясь намного более ценным достоянием: «Знанием добудешь тысячи мечей, но мечом не сможешь знания добыть»; «В сто раз грозней и более велик меч языка, а не меча язык».

Понимание значимости мудрого слова звучит в огромном количестве паремий, однако истинное знание неразлучно с умением не бросать слов на ветер: «Многословие – груз для осла»; «Невоздержанный ученый – это слепец, держащий факел». Таким образом, культ знания («Знание есть дерево, корень которого – удовольствие, а плоды – спокойствие») и почитание интеллектуала являются важнейшими чертами, зафиксированными в народной идиоматике. Вместе с тем в современных исследованиях подчеркивается специфика стремления таджиков к знанию, связанная с тем, что им как наследникам зороастрийского вероучения присуще скорее образно-эстетическое, а не практическое восприятие мира; благодаря этому уходящая корнями вглубь веков традиция поиска путей формирования «совершенного человека» обусловила такую черту национального менталитета, как увлеченность реконструкцией «скорее идеальных, чем практических моделей организации общества» [7, с. 38]. Эта несколько идеалистическая в современных условиях национальная черта отражена в пословице «Лучше нищая мудрость, чем глупое богатство», которой вторят знаменитые строки А. Джами «Счастлив нищий тот полунагой, который царство отпихнул ногой» [8].

Таким образом, изучение пословичного фонда дает возможность исследовать культуру и психологические качества таджикского народа непосредственно через язык, отражающий важные для самоидентификации этноса особенности.

Список литературы

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М.: Русский язык, 1976. 248 с.
2. Гладкова Е. Л. Персидский язык – национальное достояние Ирана // Родина. 2001. № 5. С. 23–26.
3. Авганова З. А. Национальный характер как объект социально-философского анализа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2007. 25 с.
4. Корольков О. М. Этнопсихологическая детерминация поведения таджиков в условиях конфликтного взаимодействия с другими людьми: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2002. 25 с.
5. Маджидова Б. Народные традиции и обычаи как средство формирования нравственных качеств детей в семье: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Душанбе, 2004. 23 с.

6. Осори Рудаки / Дар тахти тахрири А. Мирзоев. Сталинобод, 1958. 542 с.
7. В поисках будущего // Огонек. 2001. 2 февраля. № 5. С. 38.
8. Джамии А. Книга мудрости Искандера. URL: <http://www.wisdomcode.info/ru/poetry/authors/54539.html?page=4>.

Усмонов Ш. К., магистрант.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: shohrukh.usmonov@mail.ru

Крицкая Н. В., кандидат филологических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: kritskaya@mail.tspu.edu.ru

Материал поступил в редакцию 27.06.2016.

Sh. K. Usmonov, N. V. Kritskaya

TAJIK PROVERBS IN THE MIRROR OF NATIONAL CULTURE

Interrelation between Tajik proverbial corpus and peculiarities of national mentality, not discussed earlier, is considered in the article. Key features of Tajik/Persian mentality have been distinguished and highlighted by scoping literary review on the problem. The strata of 950 Tajik and Persian proverbs was searched to find characteristic features of national psychology and analyze them to discover specific peculiarities of world outlook and national ideology. Features of national mentality, verbally fixed in folk phraseology, specify psychological portrait of Tajik ethnicity and discover possibilities of national language to add important details to understanding of national culture and historical development.

Key words: *national mentality, culture, Tajik language, proverbs.*

References

1. Vereshchagin E. M., Kostamarov V. G. *Yazyk i kul'tura* [Language and culture]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1976. 248 p. (in Russian).
2. Gladkova E. L. *Persidskiy yazyk – natsional'noye dostoyaniye Irana* [The Persian language – national treasure of Iran]. *Rodina – Native Land*, 2001, № 5, pp. 23–26 (in Russian).
3. Avganova Z. A. *Natsional'nyy kharakter kak ob'ekt sotsial'no-filosofskogo analiza. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [National character as an object of social-philosophical analysis. Abstract of thesis. cand. philol. sci.]. Dushanbe, 2007. 25 p. (in Russian).
4. Korol'kov O. M. *Etnopsikhologicheskaya determinatsiya povedeni'ya tadzhikov v usloviyakh konfliktnogo vzaimodeistviya s drugimi lud'mi. Avtoref. dis. kand. psikhol. nauk* [Ethno-psychical determination of behavior of the Tajiks in conflict interaction with other people. Abstract of thesis cand. psychol. sci.]. Moscow, 2002. 25 p. (in Russian).
5. Madzhidova B. *Narodniye traditsii i obychai kak sredstvo formirovaniya nraivstvennykh kachestv detey v sem'e. Avtoref. dis. kand. ped. nauk* [Folk customs and traditions as family moral-forming means. Abstract of thesis cand. ped. sci.]. Dushanbe, 2004. 23 c. (in Russian).
6. Osori Rudaki [Works of Rudaki]. *Dar takhti takhriiri A. Mirzoyev* [Edited by A. Mirzoyev]. Stalinobod, 1958. 542 p. (in Russian).
7. V poiskakh budushchego [In search of the future]. *Ogonyok*. 2001, 2 February, no. 5, p. 38 (in Russian).
8. Dzhami A. *Kniga mudrosti Iskandera* [Iskandar book of wisdom]. URL: <http://www.wisdomcode.info/ru/poetry/authors/54539.html?page=4> (in Russian).

Usmonov Sh. K.
Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: shohrukh.usmonov@mail.ru

Kritskaya N. V.
Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: kritskaya@mail.tspu.edu.ru